

Сердце Цяо Кэ вдруг вспыхнуло жаром. Он поднял руку и коснулся своего отражения в зеркале. Глаза, которые прежде казались мертвыми, теперь пылали ярким пламенем, и это пламя, казалось, никогда не погаснет.

В углу комнаты Цяо Кэ нашел свой чемодан. Замок на нем после многолетних ударов слегка деформировался, но все еще функционировал. Вчера вечером, получив чемодан, он положил туда одну вещь и запер его.

Теперь он снова открыл чемодан, не обращая внимания на беспорядок внутри, и достал то, что положил туда накануне.

Это была тонкая тетрадь, между страницами которой лежало несколько листов. Цяо Кэ вынул их и начал перелистывать, его взгляд был наполнен чем-то невыразимым — то ли ностальгией, то ли облегчением. Эта сложная смесь эмоций казалась почти противоречивой на фоне его юного облика.

Одежда, в которой он был вчера, исчезла. Неизвестно, выбросил ли ее тот мужчина или отправил в стирку. Кошелек, сигареты и зажигалка, которые лежали в кармане брюк, теперь аккуратно выстроились на столе. Учитывая манеры того человека, Цяо Кэ не думал, что тот стал бы рыться в его кошельке, поэтому не испытывал никакого беспокойства.

Открыв кошелек, он увидел, что все деньги, которые были там вчера, уже потрачены. Теперь внутри остались только удостоверение личности и водительские права. На фото человек выглядел совершенно иначе, чем он сейчас. Юноша улыбнулся мягкой, едва заметной улыбкой, затем сложил эти вещи вместе с тетрадью и запер их на самом дне чемодана.

После того как он закончил все это, прошло уже полчаса. Цяо Кэ снова отправился в ванную, умылся холодной водой и наконец полностью пришел в себя. Он улыбнулся, и его отражение в зеркале ответило яркой, солнечной улыбкой, полной юношеской энергии и обаяния, словно само солнце.

Цяо Кэ спустился вниз, из кухни доносился аромат еды. Возможно, из-за хорошего настроения его шаги были легкими и радостными. Мужчина как раз поднял на него взгляд, и на его лице также появилась улыбка.

— Пожалуйста, возьми тарелки из шкафа.

Голос мужчины был низким и приятным, напоминая звучание виолончели.

Цяо Кэ теперь смотрел на этого человека с симпатией. В конце концов, он был свидетелем его нового рождения, и Цяо Кэ был готов слушаться его. Он подошел к шкафу, достал две тарелки и поставил их на столешницу, наблюдая, как мужчина раскладывает еду, его глаза сверкали.

Он не знал, что такая покорная поза подростка перед зрелым мужчиной выглядела особенно мило.

По крайней мере, Ли Жун был доволен. Его взгляд время от времени останавливался на макушке юноши, а рука, лежащая на столе, слегка шевелилась, словно в любой момент готовая потрепать взъерошенные волосы Цяо Кэ.

Манера Ли Жуна есть была изысканной. На тарелке лежал типичный западный завтрак: тосты, бекон и яичница-глазунья. Атмосфера была приятной. Телевизор на стене был включен, они ели и смотрели, не разговаривая, но между ними не было никакой отчужденности, словно они

были давними друзьями.

Цяо Кэ неторопливо ел, не прикасаясь к кофе. Его желудок был слабым, и он решил, что в будущем будет пить такие напитки реже.

На экране показывали несколько фрагментов из фильмов. Взгляд Цяо Кэ сразу же приковался к экрану. Ведущий анализировал лучшие фильмы прошлого года, оценивая актерскую игру.

Возможно, взгляд Цяо Кэ был слишком горячим, потому что Ли Жун поднял глаза и посмотрел на него.

— Ты любишь кино?

— Мне нравится играть, — тихо ответил Цяо Кэ, его голос был настолько мягким, словно он боялся разбудить прекрасный сон.

— О? — Ли Жун слегка удивился, затем улыбнулся. — Это совпадение.

Голос Ли Жуна был тихим, а Цяо Кэ слишком сосредоточился на экране, поэтому он не услышал продолжения.

На экране сменялись фрагменты фильмов, и вдруг появилось знакомое лицо. Помимо фрагментов фильма, показывали кадры с прошлогодней церемонии награждения, где этот человек получил звание лучшего актера. Ведущий с восхищением отзывался о нем. Цяо Кэ слегка улыбнулся.

— Ты его не любишь? — вдруг спросил человек рядом, казалось, его взгляд никогда не отрывался от лица Цяо Кэ.

Цяо Кэ повернулся к нему, на его лице появилось удивление.

— Почему? Он играет прекрасно, мне нравятся его фильмы.

Затем он опустил голову, и на его губах появилась холодная улыбка.

— Конечно, он хорош. Ведь он — Ци Муцин.

Цяо Кэ всегда считал Ли Жуна странным. Он немного помнил вчерашние события. Хотя он не знал, почему этот человек был так добр, чтобы приютить его, но в постели инициатором был именно Цяо Кэ, а тот, в лучшем случае, лишь слегка сопротивлялся.

Однако именно это легкое сопротивление удивило Цяо Кэ. С тех пор как он очнулся, все, что он видел, говорило о том, что этот человек, несомненно, был из высшего общества. Учитывая его манеры, Цяо Кэ не верил, что смог бы одолеть его, особенно в пьяном состоянии.

И его отношение...

Телепрограмма закончилась, и Цяо Кэ снова опустил глаза. В его взгляде была покорность, и он начал обдумывать свои планы на будущее — в конце концов, он всегда хотел играть.

Думая о своих делах, Цяо Кэ ел медленно. Ли Жун же решил, что он не привык к ножу и вилке, поэтому взял его тарелку, нарезал еду и затем потрепал его по голове.

— Ешь медленно, не торопись. После завтрака подойди ко мне в кабинет наверху, мне нужно

поговорить с тобой.

Да, именно это отношение. Они даже не знали имен друг друга, но его тон был таким теплым, словно они были давними знакомыми. Если бы Цяо Кэ не был уверен, что это его тело, он бы подумал, что попал в тело другого человека, у которого был старший брат с холодной внешностью, но теплым сердцем.

Глядя на удаляющуюся фигуру мужчины, Цяо Кэ задумался.

Когда Цяо Кэ постучал в дверь, мужчина сидел за компьютером и печатал. Увидев, что он вошел, тот кивнул.

— Садись.

— Сначала представлюсь. Меня зовут Ли Жун, мне 29 лет, я выпускник Стэнфорда, мои родители живут за границей. Я не курю, не пью, не имею вредных привычек, у меня было несколько отношений, но все они закончились мирно. — Ли Жун протянул листок бумаги. — Это мой последний медицинский отчет, все показатели в норме.

Цяо Кэ был ошеломлен этим монологом, держа в руках медицинский отчет, он не мог вымолвить ни слова.

Видя, как его глаза стали круглыми, Ли Жун внутренне восторгался его миловидностью, но внешне оставался невозмутимым. Он лишь спросил:

— А ты?

— Меня зовут Цяо...

Под давлением его уверенности Цяо Кэ чуть не проговорился. Он был уверен, что, если он назовет свое имя, Ли Жун в мгновение ока узнает все о «Цяо Кэ», а затем, из-за его омоложившего лица, его, возможно, отправят в лабораторию для экспериментов.

Ли Жун, это же Ли Жун!

Президент корпорации «Ли», чье влияние распространялось на финансы, моду, кино, рестораны, туризм и многое другое. Даже Цяо Кэ, который не любил светские сплетни, знал его имя. Для Цяо Кэ он был настоящим гигантом.

Цяо Кэ не имел времени на размышления. Ему также некогда было придумывать какую-то легенду, ведь имя Ли Жуна было слишком громким, и Цяо Кэ боялся, что тот позже начнет расследование.

— Меня зовут Цяо Бэй.

Это было его детское прозвище, которое использовала только его мать.

Бэйбэй, Цяо Бэйбэй.

— Не волнуйся. А твои родители? Почему ты вчера оказался на улице так поздно? — Ли Жун заметил его беспокойство и сделал голос еще мягче.

— Их больше нет, мне некуда идти. — Цяо Кэ постарался выглядеть жалким, что было несложно, ведь он был хорошим актером.

Юноша слегка поднял голову, его взгляд был полон обиды, но он старался казаться стойким.

Изначально Цяо Кэ не придавал значения вчерашним событиям. Они оба были взрослыми, все было по обоюдному согласию, и, судя по всему, тот не злился из-за того, что оказался внизу. Но теперь, узнав, что это Ли Жун, Цяо Кэ почувствовал тревогу. Он боялся.

Если бы у Ли Жуна было хоть малейшее недовольство, и он захотел бы наказать его, новая жизнь Цяо Кэ снова погрузилась бы во тьму. Хотя он не знал, какова была сила семьи Ли по сравнению с семьей Ци, но раздавить его, как муравья, им, вероятно, было бы легко.

— Вчера я был пьян и, кажется, сделал что-то плохое. Ты... ты можешь простить меня? — Цяо Кэ слегка поднял голову и посмотрел на Ли Жуна, его взгляд был похож на взгляд испуганного оленя. Это движение обнажило его белую шею, делая его уязвимым и беспомощным.

Ли Жун несколько раз провел взглядом по его лицу, вспомнив, как он сказал о потере родителей, и его сердце растаяло.

Он успокаивающе похлопал Цяо Кэ по руке и сказал:

— Я знаю, ты просто был пьян. Все в порядке, я не сержусь.

<http://bllate.org/book/16742/1539994>